

кую же концепцию находим и в «Historia persecutionum ecclesiae Bohemiae». В главе V утверждается, что чехи приняли христианство от моравян, а те — от греков.

Здесь не место оценивать историчность этой концепции Коменского. Разумеется, вопрос о проникновении христианства в Чехию нельзя решать так упрощенно; разумеется, славянское богослужение в Чехии, не равнялось богослужению по православному обряду. Гуситское движение было вызвано вовсе не стремлением возродить кирилло-мефодиевские традиции, поэтому не верно, как делал Коменский, изображать всю историю чешской церкви как историю непрерывной борьбы с папством, а выступления Яна Гуса, Иеронима Пражского и их сподвижников как воскрешения «апостольской» славянской церкви. Важно, однако, что Коменский считал совершенно естественными и необходимыми попытки «чешских братьев» завязать сношения с греческой и русской православной церковью.

Он писал, что уже в 1450 г. пражский съезд по совету Рокицаны и при всеобщем согласии направил послов в Царьград. Вопрос об отношении Коменского к России вообще и к русскому православию в частности выходит за рамки нашей темы. Достаточно, как кажется, отметить, что «чешские братья» не раз пытались привлечь Россию на свою сторону. Таких попыток зафиксировано в научной литературе немало, и начинаются они еще до формального возникновения общины «чешских братьев» — прямо таки на заре гуситского движения, в первых десятилетиях XV в.²⁴

В 1413 г., как явствует из обвинительного акта Констанцского собора. Иероним Пражский посетил Витебск и Псков, где старался подчеркнуть свое уважение к православным обрядам: преклонял колена перед иконами, молился в православных церквях, даже отпустил себе бороду. Обвинительный акт заявляет: Иероним говорил, что «русская секта» была и остается совершенной, что русские — добрые христиане.

Трактат брата Григория, написанный в 1470 г., содержит, между прочим, утверждение, что «и в Сербии, и в России, и среди армян, и в Молдавии могут быть и есть люди достойные и добрые христиане». Подтверждением внимания и сочувствия к греческой и русской православной церкви — подтверждением, так сказать, от обратного может служить письмо Яна Зайица из Газенбурка и из Кости к пражским магистрам и членам братской общины от 1488 г.: «Как только придет к вам заблудший в вере грек, серб или русский, так вы его почитаете и проявляете к нему любовь». В 1491 г. несколько «чешских братьев» отправилось на поиски апостольской, истинной церкви. Один из них, Мареш Коковец, поехал на Русь, причем добрался «сквозь земли татарские до Москвы».

В 1570 г. имел место известный диспут Яна Рокиты с Иваном Грозным. Он закончился неудачей, несмотря на то, что Рокита весьма сдержанно излагал чисто религиозные и обрядовые воззрения «чешских братьев». Многочисленные выпады Рокиты против папы и католицизма не помешали царю резко выступить против лютеранства и гуситства. «Яко латыни престель, так и вы тьма», — заявил Грозный.

Неудачи приведенных попыток «чешских братьев» (число аналогичных примеров можно значительно увеличить) найти поддержку у православной церкви и — шире — у Русского государства были вызваны теми же причинами, что и неудачи протестантской пропаганды вообще.²⁵ Надо сказать,

²⁴ Факты, относящиеся к этой проблеме, приведены А. В. Флоровским (Чехи и восточные славяне, т. I. Прага, 1935).

²⁵ Обширный материал по этому вопросу привел Дм. Цветаев (Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890), см. также: Ludolf Müll-